

Чэн Суюэ не вняла его совету. Поблагодарив, она продолжила вести караван по обходной дороге. Стражники не стали препятствовать. Лю Сюаньань приподнял занавеску кареты и увидел, что дорога выложена ровно и широко. Пройдя ещё немного, они и вправду наткнулись на чайный домик, которым тоже заправляли стражники.

Гао Линь подошёл узнать цены. Чай шёл по монете за большой чайник — грабежом не пахло. Хотя, будь цены в таком месте заоблачными, обманутые путники наверняка разнесли бы молву, что могло бы привести к неприятностям. Так что низкие цены и большой оборот были самым простым решением.

По дороге постоянно попадались патрули, а в конце горной тропы начинался густой, сумрачный лес. Пройдя через него, можно было окончательно покинуть пределы Города Алых Облаков.

Чэн Суюэ заметила: «Этот Ши ни на что другое не годен, а вот проводить гостей и деньги сдирать — тут у него план продуманный».

Гао Линь нашёл в лесу сухую поляну и приказал разбить лагерь, решив с наступлением ночи лично отправиться в город на разведку.

Лю Сюаньань выбрался из кареты: «Заместитель командир Гао».

Гао Линь подошёл к нему: «Второй господин Лю, что-то нужно?»

«Да, — кивнул Лю Сюаньань. — Обстановка в Городе Алых Облаков неизвестна. Если чума и впрямь свирепа, то вам одному идти туда может быть опасно. Возьмите меня с собой».

Он говорил искренне, и просьба его была разумной. Но Гао Линь, во-первых, должен был оберегать сына главы поместья Лю, а во-вторых, сомневался, сможет ли Лю Сюаньань справиться с чумой. Поэтому он отшутился, сказав, что это всего лишь короткая вылазка, он быстроходит и вернётся, никаких происшествий не случится, а значит, и брать с собой искусного лекаря нет нужды.

«Что ж, ладно», — Лю Сюаньань не стал настаивать, но перед уходом всё же добросовестно напомнил: пятнадцать лет назад на юге была эпидемия, от которой тело покрывалось язвами, даже если прикрывать рот и нос тремя-четырьмя слоями ткани. Двадцать один год назад в деревне Екуан люди заражались, просто перекинувшись парой слов. Заразиться можно было и от мимолётной встречи, и от совместного проживания во дворе, и от мытья рук в одном ручье, и от молитвы в одном храме... В общем, заместитель командир Гао должен быть предельно осторожен. «А я пойду посплю в карете».

«Погодите!» — Гао Линь был на грани отчаяния. — «Если даже три-четыре слоя ткани не помогают, то как мне быть осторожным?»

«Не знаю, — честно признался Лю Сюаньань. — Лечение зависит от конкретной болезни. Пилюли, которые приготовил А-Нин, защищают лишь от самых распространённых видов чумы, но не ото всех. Поэтому я и предложил взять меня с собой».

«Это...» — Гао Линь заколебался.

«Я пойду с тобой в город», — раздался позади голос Лян Шу.

«Ваше Высочество, ни в коем случае! — поспешно воспротивился Гао Линь. — Мы же не знаем,

что за чертовщина творится в том городе! Я схожу один, Ваше Высочество не должно—» Он вдруг замолчал, сообразив: «А, значит, не со мной».

Лян Шу смотрел на Лю Сюаньаня и повторил: «Сегодня в полночь я возьму тебя в город».

«Хорошо, — согласился Лю Сюаньань. — Значит, в полночь».

И Гао Линь снова принялся волноваться. Он просто не мог не волноваться! По старой привычке ночные вылазки обычно совершали он с сестрой. Почему же теперь, с появлением второго господина Лю, князь вдруг проявил такой интерес? Неужели это просто ещё один способ развлечься? Да и с чумой справляться лучше доверить опытному лекарю — желательно тому, кому за пятьдесят, с белой бородой до пояса, вот тогда и душа была бы спокойна. А Лю Сюаньань... Он как-то не внушал уверенности.

Но что бы он ни думал, Его Высочество князь Сяо его не послушает, да и второй господин Лю — тоже. Гао Линь даже попытался действовать через А-Нина, надеясь, что тот уговорит своего господина, но слуга с видом непоколебимой врачебной добродетели твёрдо заявил: «Выходцы из Поместья Белого Журавля не бегут от трудностей, а идут им навстречу. Разве подобает стороной обходить чуму? Не только мой господин, но и я в будущем намерен войти в город и лечить людей. Потому прошу заместителя командира Гао впредь не выдвигать таких неразумных требований».

И так, вознесшись на моральную высоту, он заставил Гао Линя удалиться, устыдившись.

Чэн Суюэ смотрела на брата с сочувствием: «Когда наш князь делал что-либо, не будучи уверенным в успехе? К чему ты так нервничаешь?»

«Уверенность — это на поле боя или при дворе. Чуму разве можно просто взять под контроль? К тому же князь прежде не занимался борьбой с эпидемиями», — отмахнулся Гао Линь. — «Иди, попробуй ещё раз уговорить».

«Не пойду. Я считаю, второй господин Лю очень способный, уж он-то найдёт способ, — Чэн Суюэ и не думала шевелиться. — А ты поменьше суйся не в своё дело. Вечером просто будь готов оказать поддержку».

Заместитель командир Гао натёкался на стену на каждом шагу и чувствовал себя измотанным.

Почему никто не понимает его?

Вновь спустилась ночь.

В полночь роса сгустилась в клубящийся белый туман, и в лесу воцарилась глубокая тишина.

Лю Сюаньань вывел свою гнедую лошадку, почистил ей шерсть и угостил половинкой ароматной лепёшки из сои и редьки.

Лян Шу спросил: «Ты на ней и поедешь?»

Лю Сюаньань кивнул.

У него была только эта лошадь.

В это время чёрный королевский скакун Тёмный Цзяо приблизился размеренным шагом. Он был почти вдвое крупнее маленькой кобылки, с раздутыми ноздрями, тучный и крепкий, вид

имел поистине несравненный, будто созданный, чтобы за день покрывать тысячу ли. Лю Сюаньань с сожалением сказал: «Моя лошадка бежит медленно, мы можем немного задержаться в пути... Ай!»

Лян Шу одной рукой подхватил его и усадил перед собой в седло.

Тёмный Цзяо с протяжным ржанием взвился на дыбы и, не дожидаясь понуканий, помчался, вздымая горный ветер. Его железные копыта дробили лунный свет на пути.

А-Нин остолбенел, наблюдая за этой разбойничьей, но столь отточенной манёвром. Разинув рот, он простоял так несколько мгновений, а опомнившись, бросился вдогонку с криком: «Господин, вы плащ-накидку не взяли!»

Лю Сюаньань, разумеется, не слышал. Его так трясло, что он едва не слетел со спины коня, и ему было не до плаща. Он лишь успел ухватиться обеими руками за луку седла и растерянно оглянулся.

Лян Шу заметил это краем глаза, и настроение его вновь улучшилось. Он слегка наклонился вперёд, каблуком ударил коня по брюху, и тот понёсся ещё быстрее, словно молния.

Там, где промчался Тёмный Цзяо, из травы вспархивали целые стаи светлячков. Они клубились в воздухе, то обвиваясь, словно шёлковые ленты, вокруг двоих всадников, то рассыпались по склонам гор, задевая деревья и вспыхивая, словно цветы, — ослепительно и изящно.

Гао Линь наблюдал вдалеке за этой сценой, прекрасной, как сон в летнюю ночь, и подумал, что все придворные художники — никуда не годятся. Он толкнул сестру локтем: «Эй, Сюэ, как думаешь, если наш князь будет проводить много времени со вторым господином Лю, он тоже станет таким... парящим, не от мира сего?»

«Князь и так божество, — Чэн Суюэ откусила кусочек дикого плода. — Разве мало людей он отправил на тот свет за эти годы?»

А-Нин в этих вопросах был простодушен, как белый лист, и с удивлением спросил: «Неужели князь ещё и в буддийском учении сведущ?»

Гао Линь запнулся и поспешил ответить скромно: «Немного. Совсем чуть-чуть».

Насколько немного? Ровно настолько, чтобы на поле боя, попирая горы трупов и реки крови, отправлять врагов в мир иной в самый подходящий момент.

Летний ночной горный ветер был по-прежнему ледяным, а сырой туман клубился.

Лю Сюаньань продержался недолго, держась за седло, — пальцы быстро заныли от холода, словно их кололи ледяными иглами. Тогда он решительно убрал обе руки и принялся растирать их, чтобы восстановить кровообращение.

А Тёмный Цзяо продолжал мчаться. Лишившись опоры, Лю Сюаньань естественным образом потерял равновесие. Лян Шу, видя, что тот вот-вот свалится, нехотя подхватил его. Кости пальцев Лю Сюанья одеревенели, и он твёрдо вознамерился больше не подвергать их воздействию ветра. Поэтому он соответственно откинулся назад, полностью доверив свой вес Его Высочеству князю Сяо, сам же засунул левую руку в правую, втянул голову в плечи и стал похож на ленивую золотистую обезьянку.

Лян Шу недовольно приказал: «Сядь ровно».

Лю Сюаньань сделал вид, что не слышит, и быстро погрузился в мир иллюзий и небытия, где нет ни зрения, ни слуха, ни суетных мыслей, заодно прикрыв глаза. В конце концов, в его сознании существовали мириады удивительных миров — стоило лишь забиться в какой-нибудь уголок, и хватило бы надолго, пока остальные кричат снаружи.

Конечно, Лян Шу не стал бы, подобно А-Нину, орать во всё горло, поднимая господина. Вообще-то, это был первый раз в жизни, когда кто-то осмелился так беспечно, не жалея живота своего, возлежать в объятиях Его Высочества князя Сяо, да ещё так, что не выгонишь. Кажется, все кровавые слухи о жестокости князя не произвели на него ни малейшего впечатления. Или же он и впрямь настолько ленив, что готов скорее умереть, чем претерпевать неудобства верховой езды?

Лян Шу незаметно ослабил хватку.

Лю Сюаньань тут же повалился набок — по-прежнему засунув руки в рукава, закрыв глаза, с неподвижным торсом, словно вознёсшийся и достигший бессмертия.

<http://bllate.org/book/16268/1464089>